

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ВИДОВ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Предметом исследования являются закономерности формирования таких дискуссионных видов юридической ответственности, как семейная, финансовая и экологическая. Задачи: обосновать отраслевой критерий дифференциации юридической ответственности на виды, выявить предпосылки возникновения новых ее видов, а также их особенности. Методы исследования: диалектический, формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой. Обосновывается, что особенности охраняемых отраслью субъективных прав и законных интересов диктуют специфику отраслевой ответственности.

Ключевые слова: общая теория права; юридическая ответственность; семейная ответственность; лишение родительских прав, права ребенка; экологическая ответственность; благоприятная окружающая среда; экологический вред; финансовая ответственность; публичные интересы.

Юридическая ответственность как общетеоретическое понятие является результатом процесса научного познания. Позитивное право как объективная реальность имеет дело с отдельными видами юридической ответственности. Обращая на это внимание, Н.В. Витрук пишет: «Дифференциация как процесс, противоположный интеграции, характеризуется разделением юридической ответственности на отдельные виды, для которых законодатель устанавливает различные основания возникновения и действия, различные правовые последствия, определяемые характером соответствующих правонарушений. Видовая дифференциация юридической ответственности имеет научное и практическое значение для законодателя и правоприменителей» [1. С. 155].

Традиционно в российском праве и законодательстве выделяют уголовную, административную, гражданско-правовую, материальную и дисциплинарную ответственность; также теоретическое обоснование получила конституционная ответственность. Вместе с тем доктринальное научное осмысление получают новые виды ответственности, в частности финансовая, экологическая, семейная. Возникает вопрос: есть ли для этого основания?

В рамках данной работы авторы попытаются обосновать отраслевой критерий дифференциации юридической ответственности на виды, выявить предпосылки возникновения таких новых ее видов, как финансовая, семейная и экологическая, определить цели и особенности их содержания.

Отраслевой критерий дифференциации юридической ответственности. На первый взгляд, в основе формирования нового вида ответственности лежит отраслевой критерий. В современной юридической литературе эту точку зрения наиболее последовательно отстаивают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский. «Наша позиция, – пишут авторы, – заключается в том, что любая отрасль права (если она сформировалась в качестве самостоятельной) должна обладать собственным институтом (видом) юридической ответственности» [2. С. 812]. В разграничении системы юридической ответственности на виды приоритетную роль играют специфические свойства предмета и метода правового регулирования, которые позволяют определить систему юридической ответственности, ее связь с системой права, отраслевую принадлежность

определенного вида юридической ответственности, взаимопроникновение и точки пересечения различных видов юридической ответственности [3. С. 35]. В качестве дополнительного аргумента в пользу этого критерия Д.А. Липинский приводит мнение Н.А. Чечиной и П.С. Элькинд, которые считали факт признания самостоятельной юридической ответственности в качестве «одного из признаков, характеризующих самостоятельность отрасли права» [4. С. 33–34].

Аргументация авторов не является безупречной, на что обращает внимание Н.В. Витрук [1. С. 156–157]. Сам Д.А. Липинский приводит контрдоводы О.Э. Лейста, который пишет, что такое деление «не совпадает с отраслевой структурой права уже по той причине, что видов ответственности меньше, чем отраслей права, причем за нарушение норм права различных отраслей может применяться ответственность одного и того же вида. Отраслевая классификация не объясняет также, почему в пределах одной отрасли права могут существовать различные виды ответственности» [5. С. 24]. Тем не менее, признавая эти доводы «весьма существенными», Д.А. Липинский настаивает на том, что «они не означают неприемлемость отраслевого критерия классификации юридической ответственности» [3. С. 36].

Действительно, все попытки найти иной критерий видовой дифференциации юридической ответственности: функциональный, целевой; субъективный; субъектный; в зависимости от характера принуждения и вида применяемых мер; от вида правоотношений; от субъектов, ее применяющих; от деления отраслей права на публичные и частные, – остаются всего лишь поиском наиболее удачного классификационного основания. Однако с помощью указанных критериев делятся на группы те же виды юридической ответственности: уголовная, гражданская, административная и т.д. Так, Н.В. Витрук к видам ответственности в публичном праве относит конституционную, муниципальную, уголовную, административную, дисциплинарную ответственность, а к видам ответственности в частном праве – гражданско-правовую, которая может иметь внутривидовую дифференциацию (семейно-правовая, материальная, таксовая и др.) [1. С. 167]. С другой стороны, очевидно, прав и О.Э. Лейст, указывая, что не каждая отрасль обладает самостоятельным видом ответственности. Воз-

можно ли разрешить это противоречие? Как нам представляется, да.

Логическое противоречие в рассуждениях авторов видится в том, что они рассматривают нормы, составляющие тот или иной вид юридической ответственности, охранительные по своему содержанию, как жестко корреспондирующие совокупности регулятивных норм той же самой отрасли. Однако такой сцепки нет и быть не может. Связь отраслей права и видов ответственности не является жестко однолинейной. Напротив, как правило, однородная группа общественных отношений регулируется нормами одной отрасли права, правового института (регулятивные нормы), но охраняется одновременно несколькими видами юридической ответственности, имеющими «прописку» в разных отраслях права (охранительные нормы). Например, отношения собственности регулируются нормами гражданского права, но охраняются посредством уголовного, административного, гражданского, материального видов ответственности. В этом плане верно рассматривать нормы юридической ответственности как межотраслевой функциональный правовой институт, внутри которого имеются генетические и функциональные связи [1. С. 150–154]. Вместе с тем изложенное выше не означает, что на базе основных (традиционных) видов юридической ответственности не могут сформироваться новые ее виды (вторичные, производные по своему генезису), точно так же как происходит формирование новых отраслей права на основе профилирующих (базовых) отраслей.

Здесь важно понимать неравнозначность отраслей права, образующих систему российского права. Очень четко сформулировал эту особенность системы права С.С. Алексеев: «Отрасли права рассматриваются обычно в одной плоскости, как равнозначные обширные «совокупности норм», отличающихся по предмету и методу правового регулирования. Между тем при более или менее развитой нормативной системе отрасли права представляют собой сложный, спаянный жесткими закономерными связями организм, отличающийся многоуровневым характером, иерархическими зависимостями» [6. С. 54]. С.С. Алексеев предлагает выделять три группы отраслей права: профилирующие (базовые), специальные и комплексные. К числу профилирующих отраслей российского права ученый относит конституционное право – «своего рода юридическую первооснову», три материальных отрасли: гражданскую, уголовную и административную, три процессуальные отрасли: гражданско-процессуальную, уголовно-процессуальную и административно-процессуальную. Эти отрасли образуют «ведущую часть правовой системы, ее неразрушимое ядро» и в этом качестве «концентрируют главные (генеральные) юридические режимы – режимы качественно своеобразные, исходные по специфике правового регулирования и потому предопределяющие основные типовые особенности юридического инструментария». Являясь юридически первичными, они «содержат исходный правовой материал, который... используется при формировании правовых режимов других отраслей» – специальных и комплексных. Последние формируются и функциониру-

ют на базе собственных «предметов» (видов общественных отношений), и отличаются немалой юридической спецификой [6. С. 54–55].

Нетрудно заметить, что четырем материальным профилирующим отраслям права соответствуют четыре вида юридической ответственности – конституционная, уголовная, гражданская, административная, – обладающих существенными особенностями. На это обратил внимание Д.А. Липинский [3. С. 36]. К числу таких особенностей, безусловно, можно отнести: вид правонарушения как основания возникновения ответственности, вид наказания (неблагоприятных последствий за совершенное деяние), процессуальный порядок привлечения к ответственности. Полагаем, что наличие кодифицированного акта, предусматривающего ответственность, не является содержательным отличительным признаком того или иного вида ответственности, но свидетельствует об уровне ее развития, совершенстве юридической формы.

Что касается дисциплинарной и материальной видов ответственности, то они сформировались по мере обособления трудового права как самостоятельной специальной отрасли, в которой своеобразно переплетаются частноправовые и публично-правовые методы правового регулирования и соответствующий им юридический инструментарий для эффективного регулирования отношений, связанных с наемным трудом. При этом, например, юридическое своеобразие материальной ответственности работников и работодателей вовсе не исключает ее родство, генетическую связь с гражданско-правовой ответственностью, что дает основание некоторым авторам рассматривать ее как разновидность последней, а то и вовсе лишать самостоятельного статуса.

Процесс развития дисциплинарной ответственности, напротив, выводит ее за рамки трудового права. Сейчас можно говорить о дисциплинарной ответственности не только работников, но и государственных и муниципальных служащих, адвокатов, депутатов, судей, осужденных и других категорий граждан. Несмотря на продолжающиеся в научной литературе дискуссии относительно правовой природы этих видов ответственности, сам факт их существования и широкого практического применения ярко демонстрирует нам возможности трансформации права, его способности реагировать на изменяющиеся общественные отношения, его свойство при сохранении жесткости и стабильности юридических конструкций «постоянно оставаться живым» [6. С. 220].

Изложенное дает основание утверждать, что непреодолимых препятствий для формирования новых видов юридической ответственности внутри специальных и даже комплексных отраслей права нет. Признание этого положения ставит новые вопросы. Какие предпосылки, факторы необходимы для утверждения нового вида ответственности как объективной реальности? Какие признаки могут свидетельствовать о самостоятельности того или иного вида юридической ответственности?

Отраслевые социальные потребности как ключевой фактор формирования новых видов юридической ответственности. Исследуя процесс правооб-

разования, В.В. Трофимов указывает, что в основе формирования права (его отдельных элементов) лежат, прежде всего, «факторы как те внешние и внутренние силы, влияющие на саму потребность правового регулирования определенных отношений определенным образом с привлечением необходимого комплекса правовых средств и обуславливающие содержание правового воздействия» [7. С. 33]. Дополним эту мысль: при этом указанная социальная потребность не может быть удовлетворена посредством имеющихся юридических конструкций. Опираясь на этот тезис, рассмотрим, имеются ли предпосылки для формирования в российском праве таких новых видов ответственности, как семейная, финансовая и экологическая.

Изучение отраслевой юридической литературы показывает, что зачастую термин «экологическая ответственность» (равно как и «семейная ответственность», «финансовая ответственность») используется как собирательный, включающий в себя виды ответственности различной правовой природы [8. С. 71; 9. С. 196–203; 10. С. 7–9]. На этом основании делается вывод о комплексном межотраслевом характере соответствующего института и отрицается его самостоятельность. Безусловно, необходимость и возможность исследования юридической ответственности в рамках той или иной отрасли как комплексного института никто не отрицает, подобного рода исследования могут способствовать повышению эффективности этого института в целом. Так, применительно к финансовой сфере актуальной остается отмеченная А.Ю. Ильиным проблема отсутствия «системного характера, а именно взаимосвязей и взаимодействия между различными видами юридической ответственности», в связи с чем автор пишет о необходимости «в рамках единого направления исследования добиваться их согласованности, сближения целей и принципов ответственности» [11. С. 3–6]. Однако полагаем более корректным в таких ситуациях использовать термин «ответственность в экологическом праве» («ответственность в семейном праве», «ответственность в финансовом праве»). Простая же констатация комплексного характера института юридической ответственности в той или иной общественной сфере не приближает нас к пониманию специфики новых видов ответственности.

Степень признания самостоятельности рассматриваемых нами видов ответственности в отраслевых науках различна. В доктрине семейного права существование семейной ответственности не ставится под сомнение, подтверждением чему является широкое использование данного термина в литературе, наличие специальных монографических исследований [12–14]. Характеризуя семейную ответственность, ученые делают попытку сформулировать ее понятие и определить признаки. Так, О.С. Турусова указывает, что семейно-правовая ответственность возникает между субъектами семейных правоотношений и выражается в форме неблагоприятных последствий для правонарушителя. По ее мнению, необходимыми и достаточными признаками для выделения семейно-правовой ответственности в качестве самостоятель-

ной являются следующие: она предусмотрена в семейном законодательстве; опирается на государственное принуждение; является формой реализации санкции правовой нормы; возлагается в процессуальной форме; выражается в виде лишения личного и имущественного характера; наступает только за совершенное семейное правонарушение [12. С. 10]. Внимательное изучение этих признаков показывает, что в большинстве своем они лишь дублируют общие признаки юридической ответственности, выработанные отечественной теорией права [15. С. 429].

Вопрос признания самостоятельности финансовой ответственности пока является дискуссионным. Ряд авторов по-прежнему считает финансовую ответственность разновидностью административной. Например, Н.В. Витрук, несмотря на признание им «своеобразия в составах правонарушений и в мерах наказания, в порядке их назначения и наличии других особенностей в финансово-бюджетных и налоговых отношениях», утверждает о «достаточных основаниях для внутривидовой дифференциации административной ответственности на административно-финансовую, административно-бюджетную, административно-налоговую и т.д.» [1. С. 212]. Д.Л. Комягин настаивает на том, что «специфические санкции, которые можно встретить в бюджетном законодательстве, выступают скорее в качестве предупредительных или обеспечительных мер», и на этом основании отрицает самостоятельность финансовой ответственности и ее подвиды – бюджетной. Впрочем, его позиция представляется не вполне последовательной, поскольку далее он делает вывод о том, что «нарушение бюджетного законодательства может нести за собой уголовную, административную, гражданско-правовую ответственность и бюджетную ответственность» [16. С. 15–19]. Е.В. Шевченко, рассуждая о бюджетной ответственности, утверждает, что ее «надлежит воспринимать только в качестве неотъемлемой части административной ответственности в силу административно-правовой природы самого финансового права» [17. С.11].

С этим вряд ли можно согласиться, поскольку самостоятельность финансового права как отрасли не вызывает сомнений, истоки ее формирования глубоки и уходят в камералистику. В.А. Лебедев еще в XIX в. акцентировал внимание на том, что «в начале под камеральными делами или камеральными занятиями разумели только финансы, и лишь с учреждением камер-коллегий в состав их вошли и другие дела, не финансовые, так называемая полиция» [18. С. 12]. Говоря о специфике денежных взысканий, налагаемых за фискальные нарушения, А.А. Жижиленко подчеркивал их смешанный характер, поскольку они «составляют не только наказание, но и вознаграждение казны за вред и убытки, нанесенные нарушением» [19. С. 565]. Позднее И.И. Розанов указывал, «что отнесение санкций к той или иной отрасли права зависит не от их названия и порядка (способа) применения, а от того, использование норм какой отрасли права они обеспечивают» [20. С. 8]. Идеи ученых дореволюционного и советского периодов развиваются в трудах современных представителей науки финан-

сового права, которые считают финансовую ответственность самостоятельным видом ответственности [21–27].

Наименьшую степень научного признания имеет экологическая ответственность. Ряд ученых до сих пор отрицает саму необходимость нового вида ответственности. Так, по мнению С.А. Боголюбова, выделение эколого-правовой ответственности во многом было обусловлено стремлением подчеркнуть самостоятельность экологического права как такового на первых этапах его формирования, а сейчас, когда экологическое право повсеместно получило такое признание, в этом нет необходимости [28. С. 162–163]. Другие авторы не так категоричны в своих оценках. Н.В. Кичигин осторожно отмечает, что экологическое законодательство предусматривает ряд особенностей возмещения вреда окружающей среде, и признает дискуссионность вопроса и необходимость его дальнейшего теоретического осмысления [29. С. 211–212]. А.А. Иванов заявляет, что «экологическая ответственность начала свое обособление в системе российского законодательства, но данный процесс не является законченным» [30. С. 11–112]. Впрочем, убедительной аргументации в пользу этого вывода автор не приводит.

Как нам представляется, обоснование самостоятельности того или иного нового вида ответственности невозможно без понимания двух ключевых моментов. Первым ключевым фактором является понимание того, в чем именно проявляется ответственность. Следует признать, что суть ответственности – в наступлении определенных неблагоприятных последствий для нарушителя, состоящих в ущемлении его личной или имущественной сферы. Как следствие, любое наказание по своему содержанию представляет собой ограничение или лишение одного или нескольких субъективных прав и свобод правонарушителя. Например, возложение штрафа в уголовном и административном праве либо уплата неустойки или возмещение убытков в гражданском праве ущемляют имущественную сферу нарушителя, т.е. его субъективное право собственности. Лишение свободы ограничивает право на свободу передвижения лица, также оно сопряжено с временным лишением (ограничением) других конституционных прав гражданина (право на свободу выбора труда, право на неприкосновенность, тайну переписки и др.).

Важно, что одинаковые виды наказаний могут составлять содержание разных видов ответственности, в том числе «классических». Тем более они могут использоваться при конструировании новых видов ответственности, никаких препятствий для этого не существует. В связи с этим несостоятельной выглядит аргументация отрицания самостоятельности, например, финансовой ответственности, только на том основании, что она проявляется в наложении штрафа [27. С. 39]. Прав В.Ф. Яковлев, отмечая, что в каждой из отраслей принудительные меры приобретают единую направленность, что предопределяет как круг мер, используемых отраслью, так и известную их общность, единую отраслевую «окраску». В этой связи даже меры, сходные по содержанию, приобретают

в разных отраслях разную направленность [31. С. 155–180].

Выбор той или иной меры неблагоприятных последствий зависит исключительно от целей ответственности. Цель, в свою очередь, определяется тем, какое субъективное право или охраняемый законом интерес (частный или публичный) охраняется отраслью. И это, по нашему мнению, второй ключевой фактор, влияющий на формирование нового (самостоятельного) вида ответственности в праве. Особенности охраняемого субъективного права (законного интереса) и шире – особенности предмета правового регулирования отрасли – становятся предпосылками для становления отраслевой ответственности. Цели ответственности находят свое отражение в ее функциях. При том, что набор функций для любого вида ответственности одинаков, их содержание, а также приоритетность различны.

Иллюстрацией изложенных тезисов может послужить анализ особенностей механизма действия финансового, семейного и экологического видов ответственности.

Дискуссионные вопросы финансовой ответственности. В финансовой сфере принципиальное назначение финансовой ответственности состоит в том, что ее реализация в виде финансовых санкций имеет не только мотивационное, устрашающее воздействие на потенциальных нарушителей финансово-правовых норм, но и восстановительный характер. Восполнение потерь государственной или муниципальной казны может осуществиться в полной мере, если за ним стоит возможность применения особого рода государственного принуждения за нарушения порядка финансовой деятельности [22. С. 10]. В итоге финансовая ответственность, в отличие от административной, сконцентрирована не только и не столько на каре виновного, но на восстановлении финансовых интересов общества, а также компенсации потерь, понесенных государством в результате нарушения положений финансово-правовых актов.

Доктринальное признание на основе данного факта самостоятельности финансовой ответственности имеет практическое значение. Можно согласиться с А.Ю. Ильиным, что «к числу причин роста правонарушений в финансовой сфере следует отнести конфликт интересов между государством, с одной стороны, и частными социально-экономическими интересами – с другой. Обострение этих интересов происходит на фоне всеобщего социально-экономического кризиса в обществе, разбалансированности экономики, спада производства, падения жизненного уровня населения и его резкой социально-экономической дифференциации, отторжения большей части населения страны от участия в эффективной системе экономической и производственной деятельности» [11. С. 3]. Поэтому одним из наиболее важных условий обеспечения реализации эффективной государственной политики в финансовой сфере является полномасштабное определение обязанности участников финансовых правоотношений нести ответственность за неисполнение финансово-правовых предписаний с учетом специфики действия норм финансового права.

Очевидное желание государства сохранять и поддерживать установленный им правовой порядок в финансовой деятельности влечет необходимость правовой охраны этой сферы общественных отношений [32. С. 166], прежде всего, посредством особого вида ответственности – финансовой. Добавим, что решение вопроса о юридической природе финансовой ответственности и установление родовой принадлежности используемых ею принудительных мер необходимы также и для того, чтобы определить общие нормы, регламентирующие данный вид принуждения, в случаях, когда специальные нормы отсутствуют [33. С. 76].

В настоящее время формулирование финансово-правовой ответственности происходит по институциональному признаку – «снизу вверх», поскольку более детальное законодательное оформление и научное осмысление получили ее подвиды: налоговая, бюджетная и др. Переименование в 2013 г. Части IV Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) с «Ответственности за нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации» на «Бюджетные нарушения и бюджетные меры принуждения» (см.: Федеральный закон от 23.07.2013 г. № 252-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») привело к возобновлению дискуссии о природе бюджетной ответственности, а также об определении ее места и роли в системе юридической ответственности в целом и финансово-правовой ответственности в частности. Позиции исследователей по данному вопросу кардинально противоположны: от полного отрицания целесообразности выделения бюджетной ответственности [34. С. 18; 35. С. 128; 36. С. 6–9] до утверждения, «что можно говорить о новом виде ответственности – бюджетной, предусмотренной нормами БК РФ» [37. С. 55]. Отметим, что мнение о необходимости обособления бюджетной ответственности в качестве составной части финансовой ученые высказывают с момента принятия БК РФ [38–43].

Вопрос о правовой природе юридической ответственности, применяемой в бюджетной сфере, по-прежнему сводится к разрешению проблем определения бюджетного правонарушения, мер государственного принуждения в бюджетной деятельности государства, а также соотношения санкций, установленных БК РФ, с административными наказаниями, установленными КоАП РФ [44. С. 99]. Среди предусмотренных БК РФ мер принуждения особое место, очевидно, занимает бесспорное взыскание пеней за несвоевременный возврат средств бюджета. В рамках данной работы не представляется возможным детально осветить научную дискуссию по данному вопросу. Отметим лишь, что исследователи (Ю.А. Крохина, С.А. Полякова, О.Г. Воронцов) относят такую пенью к мерам юридической ответственности, хотя и подчеркивают ее правовосстановительную природу [45–47]. Можно констатировать, что на данный момент необходимость в формировании института бюджетной ответственности, придании ему структурированного вида, и, соответственно, в научных изысканиях в данном направлении, имеется [48, 49].

По-прежнему дискуссионным является вопрос обособления налоговой ответственности. Анализ научной литературы позволяет выделить несколько подходов: существует административная ответственность за налоговые правонарушения, основания для выделения налоговой ответственности отсутствуют [50. С. 99]; налоговая ответственность является разновидностью финансовой ответственности [43. С. 38–74]; налоговая ответственность представляет собой самостоятельный вид юридической ответственности [51. С. 62–65]. На наш взгляд, заслуживает внимания позиция высших судебных инстанций России по данному вопросу. Так, Пленум ВАС РФ в свое время четко сформулировал мнение, согласно которому привлечение к административной ответственности в области налогов должностных лиц организации, установленной КоАП РФ, не исключает привлечения самой организации к ответственности, установленной Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) [52].

В настоящее время налогово-правовое принуждение регламентируется НК РФ и включает в себя такие меры: штраф, выступающий мерой налоговой ответственности (ст. 114, гл. 16 и 18), взыскание недоимки по налогу и пени (ст. 75), приостановление операций по банковским счетам (ст. 76), арест имущества (ст. 77) и другие [53. С. 6]. Финансовые санкции в форме штрафа и пени – это обязанность правонарушителя претерпеть лишения имущественного характера посредством отчуждения определенной суммы принадлежащих ему денежных средств в пользу публичной власти [54. С. 26]. Неоднозначно ученые определяют правовую природу пени. Наиболее распространенной позицией является характеристика пени как меры восстановительного характера [55, 56]. Сторонники другой позиции говорят о том, что по своему функциональному назначению пеня как мера юридической ответственности обладает как восстановительной, так и карательной функцией, так как «налагает дополнительное денежное обременение для правонарушителя и неизбежно связана с появлением новой обязанности, которой ранее не существовало, а также наступлением неблагоприятных последствий для правонарушителя» [57. С. 21], кроме того «если размер пени сильно отличается от ставки рефинансирования Банка России в большую сторону, она может обрести карательный характер наподобие такой формы денежных взысканий, как штраф» [54. С. 29].

Отметим, что аналогичная ситуация существовала и в период действия Федерального закона от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования». Некоторые ученые высказывались в пользу того, что применение мер принуждения согласно данному закону можно считать разновидностью финансово-правовой ответственности, так как ее меры применялись исключительно для обеспечения исполнения юридических обязанностей, имеющих публичное предназначение и носили комплексный характер [58. С. 7]. КС РФ тогда прямо указал на то, что данный закон «отграничивает установленную им ответствен-

ность плательщиков страховых взносов и банков от административной ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах, которая осуществляется в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а также от иных видов ответственности» [59].

Эта разрозненность позиций ученых и правоприменителей отчасти объясняет, почему в настоящее время финансово-правовая ответственность не заняла пока своего места среди традиционных, общепризнанных видов ответственности. Полагаем, что основания для выделения финансовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности имеются. Нарушения финансового законодательства неминуемо причиняют вред имущественным интересам государства, поэтому цели финансовых санкций состоят не только в укреплении законности и дисциплины в финансовых отношениях, но и в максимальной компенсации потерь казны, а также восстановлении финансовых прав и интересов общества и возмещении нанесенного финансовым правонарушением ущерба, что невозможно достичь посредством конструкций административной и уголовной ответственности.

Дискуссионные вопросы семейной ответственности. Как было указано выше, ученые-фамилисты не сомневаются в существовании данного вида ответственности как специфического. Между тем эта научная позиция в подавляющем большинстве исследований не подкрепляется анализом ее специфических признаков. В этой связи заслуживают внимания попытки некоторых исследователей их выделить. Так, по мнению Л.М. Звягинцевой, главной чертой семейно-правовых санкций, в числе которых она называет семейно-правовую ответственность, является такая их целевая направленность, как защита (охрана) интересов тех субъектов семейного права, которые наиболее в ней нуждаются (например, несовершеннолетние дети). Отсюда автор справедливо заключает, что формальное нарушение правовых норм не влечет механического применения семейно-правовых санкций [60. С. 5]. Таким образом, наличие вреда как следствия противоправного поведения и необходимого элемента состава правонарушения (а отсюда и причинно-следственной связи между противоправным поведением и наступившим вредным результатом) не является обязательным для применения семейно-правовой ответственности.

В отсутствие привязки к фундаментальным основам юридической ответственности отраслевые ученые порой необоснованно, как нам представляется, причисляют к таковой многообразие «видов» семейно-правовой ответственности, таких, например, как расторжение брака [14. С. 14] или лишение права наследования [12. С. 13]. Полагаем, что расторжение брака является правом гражданина, основанном на принципе свободы брачного союза, а лишение права наследования, в принципе, лежит за пределами сферы специфических семейных отношений.

В одном из современных исследований подчеркивается основанность семейных правоотношений на

семейном союзе, «условием возникновения которого является родство, вступление в брак, принятие в семью детей на воспитание и другие специфические юридические факты». В итоге в нем утверждается возможность применения семейно-правовой ответственности только при «правонарушениях, затрагивающих права субъектов не как граждан или личности, а как членов семьи, в основе которой лежат семейно-правовые связи» [13. С. 14]. В этом контексте к мерам семейной ответственности, полагаем, можно отнести лишь два вида санкций: лишение родительских прав и возложение обязанности по уплате алиментов. Как известно, в случае лишения родительских прав практически утрачивается правовая связь родителей и детей, прекращаются все родительские права и обязанности личного неимущественного характера. Сохраняется лишь имущественная семейно-правовая обязанность содержать своего ребенка (п. 2 ст. 71 Семейного кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ). Как нам представляется, данная мера семейно-правовой ответственности нуждается в дальнейшем исследовании. Специальные исследования догматической юриспруденции (П.Н. Мардахаева [61], Г.И. Вавильченкова [62] и А.Л. Кумановская [63]) сосредоточены преимущественно на анализе оснований лишения родительских прав. За пределами исследования остается обсуждение природы родительского права. Отсутствует четкое представление о том, чего, собственно, вследствие применения данной меры ответственности лишаются родители. Не обсуждается вопрос об адекватности употребления в отношении лишения родительских прав термина «мера».

Можно привести пример, в котором недобросовестные родители после лишения родительских прав могут приобрести даже большую, по сравнению с предшествующим положением, свободу в сфере имущественных прав. Например, согласно правилу п. 4 ст. 292 ГК РФ отчуждение жилья, в котором проживают находящиеся под опекой члены семьи собственника либо оставшиеся без родительского попечения несовершеннолетние члены семьи собственника (о чем известно органу опеки и попечительства), допускается при условии получения разрешения органа опеки и попечительства. Добросовестность родителей, по общему правилу, предполагается. Между тем анализируемая норма была признана не соответствующей Конституции РФ в той части, в которой она не позволяет при разрешении конкретных дел обеспечивать эффективную защиту прав тех детей, которые формально не отнесены к находящимся под опекой или попечительством, или к оставшимся без родительского попечения. КС РФ разъяснил, что родители при отчуждении находящегося в их собственности жилья не вправе произвольно и необоснованно ухудшать жилищные условия проживающих совместно с ними несовершеннолетних детей, и тем более их действия не должны приводить к лишению детей жилища [64]. Логично, что при отобрании детей у родителей, лишенных родительских прав, совместное проживание отсутствует, и вопрос об ухудшении жилищных условий несовершеннолетнего при распоряжении родительской квартирой не возникает.

Что касается сферы личных неимущественных отношений, то в ней «неблагополучные» родители, лишённые родительских прав, не только не приобретают неблагоприятных последствий, но фактически получают правовое закрепление своего недобросовестного поведения: необходимость юридических и фактических действий, связанных с заботой о ребёнке, прекращается. Органы и должностные лица, которые принуждали таких родителей к исполнению обязанности заботиться о своём ребёнке, устраняются от вмешательства в их бытовую сферу. В таком ракурсе «крайняя мера» ответственности в её актуальном нормативном оформлении выглядит как полное освобождение от ответственности. В свете изложенного, карательная функция ответственности выглядит несостоятельной.

С другой стороны, автоматическая реализация воспитательной функции института лишения родительских прав без учёта его цели – защиты детей – способна нарушить интересы детей, их право жить и воспитываться в семье. Последствия лишения родительских прав, связанные с изъятием ребёнка из семьи, могут быть более вредными для физиологического и психического развития ребёнка, чем совместное переживание определенных неблагоприятных обстоятельств, сложившихся в «неблагополучной» семье. Как указывает О.А. Хазова: «...разъединение ребёнка и родителя – это колоссальная травма для ребёнка, даже если его потом вернут в семью... детям важнее быть со своими близкими, под защитой своих родителей, даже если семья испытывает трудности и лишения» [65. С. 20].

Чёткое осознание и формулирование цели института лишения родительских прав как меры специфической семейно-правовой ответственности позволило бы прояснить ряд частных теоретических вопросов. Так, например, ученые предлагают закрепить в ст. 69 СК РФ в качестве достаточного основания установление судом факта злоупотребления родителем алкоголем или наркотическими веществами, даже если оно не является хроническим, так как сам факт такого злоупотребления наносит вред психическому здоровью ребёнка [66. С. 4]. Между тем, полагаем, что изложенные выводы предопределяют необходимость оценки негативных последствий для ребёнка, обусловленных поведением родителя. Анализируя ст. 69 СК РФ, П.Н. Мардахаева рассматривает в качестве проблемных ситуаций, в которых родитель, отказавшийся без уважительных причин взять ребёнка из родильного дома, «в любой момент может явиться и предъявить свои права на ребёнка» [61. С. 8]. Однако для целей защиты интересов ребёнка это, скорее, положительное явление (разумеется, при отсутствии иных обстоятельств, угрожающих его интересам).

Обязанности по уплате алиментов в теории семейного права длительный период времени освещаются сквозь призму дискуссии о том, каким образом соотносятся понятия «алименты» и «содержание» [67. С. 17–21]. Решение данного теоретического вопроса влияет в целом на создание теории алиментных обязательств, а также имеет серьезные практические последствия, касающиеся определения круга субъектов

алиментного соглашения и т.д. Учитывая сформированные подходы к пониманию юридической ответственности, предлагаем рассматривать алименты в качестве специфического вида семейно-правовой ответственности в имущественной сфере. Такая позиция коррелирует с выводами Б.М. Гонгалов о том, что «выплата алиментов – это всегда исполнение обязанности по предоставлению содержания, но предоставление содержания далеко не всегда производится путем выплаты алиментов» [67. С. 17–21]. Тем самым предоставление денег или имущества члену семьи лично и добровольно является содержанием, а при заключении соглашения об уплате алиментов или вынесении соответствующего решения суда происходит уплата алиментов, за счет которых и обеспечивается содержание. Содержание представляет собой элемент «здорового» семейного правоотношения. Уплата алиментов основывается на специфической семейно-правовой связи и происходит при условии, что плательщик алиментов не исполняет обязанности по содержанию добровольно в той мере, в которой это необходимо для защиты нуждающегося в материальной поддержке члена его семьи. Думается, что данные неблагоприятные последствия, наступающие в имущественной сфере алиментно-обязанного лица в силу закона либо решения суда, могут быть рассмотрены в качестве меры специфической семейно-правовой ответственности, что, безусловно, является предметом дискуссии.

Таким образом, целями семейно-правовой ответственности, обусловленной природой семейных отношений, является, в первую очередь, защита интересов членов семьи, нуждающихся в правовой поддержке, и только затем – наказание правонарушителя. Это ключевая позиция для развития теоретической основы и практической реализации положений об ответственности в семейно-правовой сфере.

Дискуссионные вопросы экологической ответственности. Идея отграничения экологической ответственности за вред, причиненный окружающей среде, от гражданской-правовой базируется на том, что в экологических отношениях преобладают публичные экологические интересы, заключающиеся в сохранении благоприятной окружающей среды. Наиболее последовательную и обоснованную позицию по данному вопросу занимает М.М. Бринчук [68, 69]. Автор отмечает, что «регулируемый и охраняемый экологическим законодательством интерес сохранения благоприятной окружающей среды, экологического благополучия относится к публичным интересам, подлежащим приоритетной правовой защите. Нарушение этого публичного интереса не может быть предметом и основанием гражданской ответственности». И далее: «В случае нарушения упомянутых охраняемых публичных экологических интересов, а также неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей, предусмотренных публичным договором на природопользование и охрану окружающей среды, при причинении вреда природным объектам, находящимся в публичной собственности, применяется не гражданско-правовая (имущественная), а иная юридическая ответственность, которая может быть назва-

на эколого-правовой. Содержание эколого-правовой ответственности образуют, прежде всего, два вида экологических правонарушений, предметом которых являются: возмещение вреда, причиненного природе, т.е. экологического вреда, и неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей, предусмотренных договором на природопользование и охрану окружающей среды» [69. С. 35–37]. О необходимости разграничить гражданскую и экологическую ответственность пишут В.Г. Мельникова и Е.М. Суранова [70. С. 196].

Данную позицию разделяет и Л.И. Брославский. «Гражданско-правовой институт “обязательства вследствие причинения вреда”, на основании которого привлекаются к имущественной ответственности экологические правонарушители, традиционно направлен и обеспечивает защиту личных, индивидуальных интересов субъектов права... Причинение экологического вреда – это нарушение не только личных, но и общественных интересов. Предусмотренные российским гражданским и гражданско-процессуальным законодательством средства правовой защиты представляются недостаточными, когда речь идет о деликтной ответственности за нарушения в области экологии и / или возмещении экологического вреда». Считая причинение экологического вреда особым видом деликта, автор аргументирует это тем, что «потерпевшими являются неопределенное число лиц, причем оно может многократно возрастать, имея в виду распространение негативных последствий нарушения среды обитания человека во времени и пространстве. К примеру, появление детей с врожденными дефектами в результате загрязнения питьевой воды или сельскохозяйственных земель вредными химикатами; исчезновение отдельных видов растительного и животного мира; деградация почвы; обезлесение и т.п., что приводит к сокращению, а порой и к прекращению определенной производственно-хозяйственной деятельности человека, направленной на использование природных богатств в целях удовлетворения потребностей людей (сельское хозяйство, лесозаготовки, рыболовство, охота и др.)» [71. С. 153].

Действительно, как мы уже писали, природная среда является весьма специфическим объектом, поскольку выступает одновременно объектом и публичных неимущественных интересов, и частных имущественных прав природопользователей [72. С. 5]. Так, причинение вреда окружающей среде в виде загрязнения земельного участка может нарушать как публичный интерес общества в благоприятной окружающей среде, так и частный интерес физического или юридического лица – землевладельца.

В силу этого природные объекты имеют сложный правовой режим. С одной стороны, они выступают неотъемлемым элементом природных комплексов, естественных экологических систем, их состояние определяет благоприятность окружающей среды в целом. Право каждого на благоприятную окружающую среду закрепляется в ст. 42 Конституции РФ. Это право относят к числу естественных, неотчуждаемых прав, реализуемых как индивидуально, так и (преимущественно) коллективно [73. С. 5]. В этом плане право на благоприятную окружающую среду

является весьма специфичным, так как не может быть реализовано индивидуумом вне общества, поскольку материальным источником экологического права является совокупный общественный интерес в сохранении и воспроизводстве объектов окружающей природной среды, рассматриваемых в качестве необходимого условия существования социума [74. С. 49]. В равной степени верно и обратное: любое причинение вреда окружающей среде, выразившееся в ее загрязнении или повреждении отдельных природных объектов, либо создание реальной угрозы причинения такого вреда всегда являются нарушением публичного (общественного) интереса. С другой стороны, согласно п. 2 ст. 9 Конституции РФ природные объекты (ресурсы) могут быть объектом любой формы собственности. Этот момент определяет частный интерес собственников и природопользователей в отношении природных объектов.

Может ли гражданско-правовая ответственность, изначально сформировавшаяся как институт частного права, защищать и публичные экологические интересы? С одной стороны, в современном праве имеет место тенденция размыwania границ частного и публичного права. Н.Г. Доронина верно отмечает, что «современные тенденции в правовом регулировании экономических отношений свидетельствуют о подвижности границ частного и публичного права, ...защита субъективного права часто основывается на поддержании баланса публичных и частных интересов в конкретном правоотношении» [75. С. 4].

С другой стороны, можно утверждать, что реально действующий на сегодня в экологических отношениях механизм реализации гражданско-правовой ответственности не обеспечивает в полной мере защиту публичных интересов. Действующее российское законодательство, как гражданское, так и экологическое, допускает альтернативное применение в экологических отношениях известных способов возмещения вреда: возмещение убытков или возмещение вреда в натуре, не устанавливая приоритетов и отдавая решение этого вопроса на усмотрение суда в соответствии с обстоятельствами дела (ст. 1082 ГК РФ, ст. 77, 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды»). Данное положение вещей весьма обоснованно, на наш взгляд, критикуется специалистами в области экологического права по следующим основаниям. Возмещение убытков – универсальный способ защиты гражданских прав – способно обеспечить лишь защиту имущественных интересов собственников или пользователей природных объектов, и только при условии, что средства, полученные по искам о возмещении вреда окружающей среде, поступят указанным лицам. Однако действующий правовой механизм этого не позволяет, поскольку право предъявлять иски принадлежит не собственникам (пользователям) природных ресурсов, а контрольно-надзорным государственным органам, а средства поступают преимущественно в муниципальные бюджеты. Защита же нарушенных публичных экологических интересов, состоящих в восстановлении благоприятного состояния окружающей среды, в отсутствие правила целево-

го использования этих поступлений невозможна. Реально обеспечить защиту как частных, так и публичных экологических интересов в условиях действующего законодательства можно только при использовании такого способа защиты, как возмещение вреда в натуре [76]. С учетом этого нельзя согласиться с мнением с А.Г. Ивлиевой, что «объектная» специфика вреда не является достаточным основанием для того, чтобы выстраивать механизм экологической ответственности в части возмещения вреда окружающей среде на каких-либо иных принципах, кроме общих принципов гражданско-правовой ответственности» [77. С. 149].

Очевидно, что необходимость сконструировать и детально урегулировать новый вид юридической ответственности – экологическую – назрела. В этом направлении уже сделаны первые шаги. Большой интерес представляет Постановление КС РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений Постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье-нефть» [78]. При рассмотрении этого дела КС РФ фактически столкнулся с необходимостью определить природу экологической ответственности, хотя представители заявителя и не хотели ставить перед судом этот «вопрос высочайшей теоретической сложности». В тексте Постановления КС РФ хотя и указывает на сходство обязанности возместить вред, причиненный окружающей среде, и мер гражданско-правовой ответственности, в то же время делает неоднократные попытки определить вред, причиняемый окружающей среде, как специфический, ввиду того что окружающая среда является общим достоянием, и обозначить, что он затрагивает как частный, так и публичный интерес [77. С. 145].

Интересно, что попытки сформулировать особые правила возмещения экологического вреда предпринимают и арбитражные суды. Так, в качестве «сложившейся» в Западно-Сибирском арбитражном окру-

ге оценивается практика возложения на правонарушителей двойной обязанности: устранить нарушение, т.е. добровольно провести работы по восстановлению нарушенного состояния природного объекта, и возместить вред, т.е. убытки в денежной форме, рассчитанные по таксам и методикам (см., напр.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 30 августа 2013 г. по делу № А81-950/2013).

Ставится вопрос и о новом понимании содержания института возмещения вреда законодателем, правда пока только на уровне законопроектов. Так, в Законопроекте № 504011-6 [79] предлагается установить приоритет натуральной формы возмещения вреда, а в случае технической невозможности проведения таких работ допустить проведение равноценных работ по охране окружающей среды. Данный подход, бесспорно, заслуживает поддержки, так как позволяет реализовать основное назначение указанного правового института – восстановление благоприятного состояния окружающей среды. Вместе с тем очевидно, что необходима более тщательная теоретическая разработка данного вопроса. Многие научные предпосылки по ряду принципиальных положений уже созданы [45; 69. С. 39–47].

Таким образом, в основе формирования экологической ответственности лежит защита права каждого на благоприятную окружающую среду, достижение которой возможно путем восстановления нарушенного состояния окружающей среды.

Итак, в настоящее время идет процесс формирования новых видов ответственности в российском праве. Несмотря на отсутствие на этот счет единого мнения среди представителей отечественной юриспруденции, мы полагаем, что необходимость формирования новых видов юридической ответственности имеет под собой достаточные основания и обусловлена наличием социальных потребностей, которые юридические конструкции «традиционных» видов ответственности не могут удовлетворить в полной мере. Изложенные в работе умозаключения, не претендуя на всесторонний и исчерпывающий характер, могут использоваться в качестве методологической основы для дальнейших отраслевых научных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 2017. 432 с.
2. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2007. 950 с.
3. Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27–37.
4. Чечина Н.А., Элькин П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–34.
5. Лейст О.Э. Основные виды юридической ответственности за правонарушение // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1977. № 3. С. 24–30.
6. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6: Восхождение к праву. М. : Статут, 2010. 558 с.
7. Трофимов В.В. Проблема формирования юридической конструкции: от правообразующих факторов к правотворческому результату // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 26–38.
8. Ерофеев Б.В. Экологическое право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2013. 400 с.
9. Ершова Е.В. Компенсация морального вреда как способ защиты семейных прав и мера семейно-правовой ответственности // Власть закона. 2015. № 4. С. 196–203.
10. Лагутин И.Б., Урда М.Н. Ответственность в системе денежного права Российской Федерации // Финансовое право. 2015. № 5. С. 7–9.
11. Ильин А.Ю. Юридическая ответственность за финансовые правонарушения // Финансовое право. 2015. № 11. С. 3–6.
12. Турусова О.С. Семейно-правовая ответственность в России и зарубежных странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.
13. Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность: сущность и правоприменение по законодательству Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.

14. Сидорова С.А. Вопросы применения мер гражданско-правовой и семейно-правовой ответственности в семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 25 с.
15. Теория государства и права : учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М. : Городец, 2003. 567 с.
16. Комягин Д.Л. Защита бюджетного процесса: ответственность за нарушения бюджетного законодательства и бюджетные нарушения // Финансовое право. 2016. № 7. С. 15–19.
17. Шевченко Е.В. Административная ответственность за нарушение бюджетного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2009. 22 с.
18. Лебедев В.А. Финансовое право. Т. 1, вып. 1. СПб., 1882. 457 с.
19. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Петроград : Правда, 1914. 684 с.
20. Розанов И.И. Финансовые средства обеспечения государственной и финансовой дисциплины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971. 16 с.
21. Батыров С.Е. Финансово-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 21 с.
22. Сердюкова Н.В. Финансово-правовая ответственность по российскому законодательству: становление и развитие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2003. 26 с.
23. Крохина Ю.А. Теоретические основы финансово-правовой ответственности // Журнал российского права. 2004. № 3. С. 43–51.
24. Емельянов А.С. Реализация охранительной функции финансового права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 327 с.
25. Саттарова Н.А. Принуждение в финансовом праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 43 с.
26. Разгильдиева М.Б. Финансово-правовое принуждение. Тамбов : Изд. дом Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2011. 340 с.
27. Мусаткина А.А. О соотношении административно-правовой и финансово-правовой ответственности // Административное право и процесс. 2016. № 3. С. 36–40.
28. Боголюбов С.А. Реализация экологической политики посредством права. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2015. 320 с.
29. Кичигин Н.В. Правовые проблемы применения методик при оценке экологического вреда // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения : материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2013. С. 210–218.
30. Иванов А.А. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: перспективы развития // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2015. № 2. С. 110–124.
31. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. 240 с.
32. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; НИЦ ИНФРА-М, 2015. 624 с.
33. Мудрых В.В. Ответственность за нарушение налогового законодательства : учеб. пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 318 с.
34. Комягин Д.Л. Ответственность за нарушения бюджетного законодательства // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2014. № 6. С. 10–19.
35. Толкачева Н.П. Административная ответственность за нарушения бюджетного законодательства: реалии и предложения по совершенствованию // Вестник АКСОР. 2015. № 1 (33). С. 126–132.
36. Трофимова Г.А. Бюджетная ответственность: проблемы теоретической конструкции // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 6–9.
37. Армасова Е.Р. Ответственность, предусмотренная законодательством, связанная с предоставлением бюджетного кредита // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2014. № 3. С. 53–58.
38. Гейхман О.М. Бюджетно-правовая ответственность в системе юридической ответственности // Финансовое право. 2004. № 5. С. 13–17.
39. Архипенко Т.В., Макаров А.В. Соотношение административной и бюджетной ответственности // Финансовое право. 2004. № 4. С. 28–31.
40. Саттарова Н.А. Принуждение в финансовом праве. М. : Юрлитинформ, 2006. 392 с.
41. Конюхова Т.В. Об ответственности за нарушение бюджетного законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4(160). С. 37–48.
42. Крохина Ю.А. Бюджетное право России. М. : Юрайт, 2013. 483 с.
43. Ответственность за нарушение финансового законодательства : науч.-практ. пособие / отв. ред. И.И. Кучеров. М. : ИЗиСП; ИНФРА-М, 2014. С. 225.
44. Саттарова Н.А. Меры государственного принуждения в бюджетной сфере как фактор эффективного функционирования финансовой системы // Lex russica. 2015. № 8. С. 96–106.
45. Крохина Ю.А. Финансовое право России : учебник. М. : Норма; ИНФРА-М, 2014. 624 с.
46. Полякова С.А. О бюджетных мерах принуждения // Право и экономика. 2015. № 4. С. 68–78.
47. Воронцов О.Г. Правовая природа бюджетных мер принуждения // Финансовое право. 2016. № 11. С. 25–28.
48. Разгильдиева М.Б. Теоретические проблемы бюджетно-правовой ответственности // Финансовое право и управление. 2013. № 2(2). С. 102–118.
49. Васильева Е.Г. Бюджетно-правовая ответственность в РФ: проблемы правового регулирования и реализации // Финансовое право. 2015. № 9. С. 14–18.
50. Административное право России / А.П. Алехин [и др.]. М. : Зерцало-М, 2013. 520 с.
51. Иванчук В.Ю. К вопросу о соотношении административной и налоговой ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах // Актуальные проблемы права : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2015 г.). М. : Буки-Веди, 2015. С. 62–65.
52. Постановление Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 № 2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 3.
53. Беликов Е.Г. Социальная направленность принципа сочетания убеждения и принуждения в финансовом праве // Финансовое право. 2016. № 8. С. 6–10.
54. Кучеров И.И. Денежные взыскания: проблемы правовой идентификации // Журнал российского права. 2013. № 5. С. 22–36.
55. Разгильдиева М.Б. Проблемы теории налогово-правовой ответственности // Очерки налогово-правовой науки современности / под общ. ред. Е.Ю. Грачевой, Н.П. Кучерявенко. Москва ; Харьков : Право, 2013. 680 с.
56. Кайшев А.Е. Меры финансово-правовой ответственности за неуплату налогов (сборов) в установленные сроки: теоретико-правовые аспекты // Финансовое право. 2016. № 12. С. 28–32.
57. Макаров А.В., Архипенко Т.В. Характеристика налоговой ответственности. Санкции за нарушение налогового законодательства // Финансовое право. 2005. № 6. С. 20–22.
58. Попрядухина И.В. К вопросу об ответственности за нарушения законодательства РФ о страховых взносах // Финансовое право. 2016. № 7. С. 7–9.
59. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2016 № 2-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 22 и пункта 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования” в связи с запросами Арбитражного суда города Москвы и Арбитражного суда Пензенской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 3.
60. Звягинцева Л.М. Меры защиты в советском семейном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. 202 с.
61. Мардахаева П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 189 с.
62. Вавильченкова Г.И. Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 158 с.

63. Кумановская А.Л. Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 169 с.
64. Постановление Конституционного Суда РФ от 08 июня 2010 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадасовой» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 25. Ст. 3246.
65. Хазова О.А. Отобразение детей: международно-правовые аспекты // Семейное и жилищное право. 2014. № 2. С. 18–22.
66. Афанасьева И.В. Семейно-правовая защита интересов несовершеннолетних при неисполнении родительских обязанностей по их воспитанию и содержанию // Семейное и жилищное право. 2014. № 5. С. 3–6.
67. Гонгало Б.М. Алиментное обязательство // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 15–18.
68. Бринчук М.М. Так существует ли эколого-правовая ответственность? // Экологическое право. 2009. № 2-3. С. 16–23.
69. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex russica. 2016. № 6. С. 26–47.
70. Мельникова В.Г., Суранова Е.М. О формах и порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 193–197.
71. Брославский Л.И. Ответственность за окружающую среду и возмещение экологического вреда: законы и реалии России, США и Евросоюза. М. : ИНФРА-М, 2014. 229 с.
72. Данилова Н.В. Совершенствование института возмещения экологического вреда // Экологическое право. 2015. № 3. С. 3–6.
73. Ключанова Л.Г. Эколого-правовой статус личности в нормах Конституции Российской Федерации // Экологическое право. 2014. № 2. С. 3–7.
74. Васильева М.И. Проблемы защиты общественного интереса в экологическом праве // Государство и право. 1999. № 8. С. 49–62.
75. Доронина Н.Г. Предисловие к материалам для Ежегодных VII научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся. Новое в гражданском законодательстве. Баланс публичных и частных интересов. М. : Юриспруденция, 2012. С. 3–7.
76. Данилова Н.В. Гражданско-правовая ответственность за экологический вред: проблемы теории и практики // Право и политика. 2014. № 2. С. 1931–1935.
77. Ивлиева А.Г. [Не] дважды за одно: особый характер экологического ущерба и общие принципы юридической ответственности. Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 года № 12-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 4. С. 145–158.
78. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярье”» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. Ст. 3547.
79. Проект Федерального закона № 504011-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования вопросов возмещения вреда окружающей среде» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 21.04.2014). URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 21.04.2014).

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 февраля 2018 г.

THE FORMATION OF NEW TYPES OF LIABILITY IN THE RUSSIAN LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 428, 216–229.

DOI: 10.17223/15617793/428/30

Vladimir I. Mayorov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 1955715@rambler.ru

Natalia V. Danilova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nvdanilova@mail.ru

Olga G. Geymur, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ogeymur1@yandex.ru

Tatiana V. Krasnova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: krasnova-tv@yandex.ru

Keywords: theory of law; legal liability; family liability; parental rights; child rights; environmental responsibility; favorable environment; environmental damage; financial liability; public interest.

The subject of the study is regularities of the formation of the new types of legal liability in Russian law. In the work, legal liability is considered solely in a negative sense, as an occurrence of certain adverse consequences for the offender which consist in the infringement of their personal or property spheres. The authors aim to justify the branch criterion of differentiation of legal liability, to identify the preconditions of its new (family, financial and environmental) types, to determine their features. The methodological basis of the study is a set of methods of scientific cognition: dialectical, formal logical, formal legal, comparative-legal. The analysis of works in the field of the theory of law about the types of legal liability gives grounds to assert that the basic classification criterion is the “branch of law” one. In this context, particular liability depends directly on the place a branch of law occupies in the system of law, its belonging to the basic, special and integrated sectors. The basis of the generation of new types of legal liability is new social needs which cannot be met through existing legal structures including traditional types of legal liability. In the design of new types of liability specific (deprivation of parental rights in family law) or approved (money penalty in financial law, compensation for harm in environmental law) penalties can be used. The latter may be due to the derivative nature of the considered types of liability. Features of subjective rights (legitimate interests) protected by a certain branch of law dictate the specificity of liability including its objectives, functions and content. Financial liability, in contrast to administrative, focuses not only on the punishment of the offender, but on the restoration of the public financial interests and compensation of state losses as a result of a breach of financial regulations. Family liability is expressed in the deprivation or restriction of non-property rights. Legal regulation of individual cases of family liability needs to be improved. In particular, the scientific doctrine recognizes deprivation of parental rights as a form of family liability. However, legal regulation of this issue is contrary to the purpose and essence of legal liability. The aim in this case is to protect the child’s interests. On this basis, the grounds for the deprivation of parental rights should be reconsidered. Consequences of the deprivation of parental rights are often not adverse to unfair parents. Moreover, such parents receive a formal confirmation of the behavior they aspired to. The differentiation of environmental liability and civic liability is based on the idea of protecting public interests. Public interest is the preservation of a favorable environment. Therefore, special provisions are needed to provide restoration of the state of the environment. The conclusions made in the study, without claiming to be comprehensive and exhaustive, can be used as a methodological basis for further scientific research.

REFERENCES

1. Vitruk, N.V. (2017) *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.

2. Khachaturov, R.L. & Lipinskiy, D.A. (2007) *Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
3. Lipinskiy, D.A. (2003) O sisteme prava i vidakh yuridicheskoy otvetstvennosti [On the system of law and types of legal liability]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 2 (247). pp. 27–37.
4. Chechina, N.A. & El'kind, P.S. (1973) Ob ugolovno-protsessual'noy i grazhdanskoj protsessual'noy otvetstvennosti [On criminal procedural and civil procedural liability]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 9. pp. 33–34.
5. Leyst, O.E. (1977) Osnovnye vidy yuridicheskoy otvetstvennosti za pravonarushenie [The main types of legal liability for an offense]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*. 3. pp. 24–30.
6. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Works: in 10 vols]. Vol. 6. Moscow: Statut.
7. Trofimov, V.V. (2013) Problema formirovaniya yuridicheskoy konstruktii: ot pravoobrazuyushchikh faktorov k pravotvorcheskomu rezul'tatu [The problem of the formation of a legal construct: from the law-forming factors to the law-making result]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 7-2. pp. 26–38.
8. Erofeev, B.V. (2013) *Ekologicheskoe pravo: uchebnik* [Environmental law: a textbook]. 5th ed. Moscow: ID "FORUM"; INFRA-M.
9. Ershova, E.V. (2015) Kompensatsiya moral'nogo vreda kak sposob zashchity semeynykh prav i mera semeyno-pravovoy otvetstvennosti [Compensation of moral harm as a way of protecting family rights and a measure of family and legal liability]. *Vlast' zakona*. 4. pp. 196–203.
10. Lagutin, I.B. & Urda, M.N. (2015) Otvetstvennost' v sisteme denezhnogo prava Rossiyskoy Federatsii [Liability in the system of the monetary law of the Russian Federation]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 5. pp. 7–9.
11. Il'in, A.Yu. (2015) Yuridicheskaya otvetstvennost' za finansovye pravonarusheniya [Legal liability for financial violations]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 11. pp. 3–6.
12. Turusova, O.S. (2011) *Semeyno-pravovaya otvetstvennost' v Rossii i zarubezhnykh stranakh* [Family-legal liability in Russia and foreign countries]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Karibyan, S.O. (2016) *Semeyno-pravovaya otvetstvennost': sushchnost' i pravoprimeneniye po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Family-legal liability: the essence and enforcement of the law of the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
14. Sidorova, S.A. (2007) *Voprosy primeneniya mer grazhdansko-pravovoy i semeyno-pravovoy otvetstvennosti v semeynom prave* [The application of measures of civil law and family law liability in family law]. Abstract of Law Cand. Diss. Volgograd.
15. Pigolkin, A.S. (ed.) (2003) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: a textbook]. Moscow: Gorodets.
16. Komyagin, D.L. (2016) Zashchita byudzhethnogo protsessa: otvetstvennost' za narusheniya byudzhethnogo zakonodatel'stva i byudzhethnye narusheniya [Protection of the budgetary process: liability for violations of budget laws and budgetary violations]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 7. pp. 15–19.
17. Shevchenko, E.V. (2009) *Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniye byudzhethnogo zakonodatel'stva* [Administrative liability for the violation of budget legislation]. Abstract of Law Cand. Diss. Chelyabinsk.
18. Lebedev, V.A. (1882) *Finansovoe pravo* [Financial law]. Vol. 1. Is. 1. St. Petersburg: Tipo-lit. A.M. Vol'fa.
19. Zhizhilenko, A.A. (1914) *Nakazanie. Ego ponyatie i otlichie ot drugikh pravookhranitel'nykh sredstv* [Punishment. Its concept and difference from other law enforcement means]. Petrograd: Pravda.
20. Rozanov, I.I. (1971) *Finansovye sredstva obespecheniya gosudarstvennoy i finansovoy distsipliny* [Financial means of ensuring state and financial discipline]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
21. Batyrov, S.E. (2003) *Finansovo-pravovaya otvetstvennost'* [Financial and legal liability]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
22. Serdyukova, N.V. (2003) *Finansovo-pravovaya otvetstvennost' po rossiyskomu zakonodatel'stvu: stanovleniye i razvitiye* [Financial and legal liability under the Russian legislation: formation and development]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.
23. Krokhina, Yu.A. (2004) Teoreticheskie osnovy finansovo-pravovoy otvetstvennosti [Theoretical bases of financial and legal liability]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 43–51.
24. Emel'yanov, A.S. (2005) *Realizatsiya okhranitel'noy funktsii finansovogo prava* [Implementation of the protective function of financial law]. Law Dr. Diss. Moscow.
25. Sattarova, N.A. (2006) *Prinuzhdeniye v finansovom prave* [Coercion in financial law]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
26. Razgil'dieva, M.B. (2011) *Finansovo-pravovoe prinuzhdeniye* [Financial and legal coercion]. Tambov: Tambov *SU.
27. Musatkina, A.A. (2016) O sootnoshenii administrativno-pravovoy i finansovo-pravovoy otvetstvennosti [On the correlation of administrative-legal and financial-legal liability]. *Administrativnoye pravo i protsess – Administrative Law and Procedure*. 3. pp. 36–40.
28. Bogolyubov, S.A. (2015) *Realizatsiya ekologicheskoy politiki posredstvom prava* [Implementation of environmental policy through law]. Moscow: NITs INFRA-M.
29. Kichigin, N.V. (2013) [Legal problems of application of techniques in the assessment of environmental harm]. *Yuridicheskaya otvetstvennost': sovremennyye vyzovy i resheniya* [Legal liability: modern challenges and solutions]. Proceedings for the VIII Annual Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus'. Moscow. pp. 210–218. (In Russian).
30. Ivanov, A.A. (2015) Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya: perspektivy razvitiya [Legal liability for environmental offenses: development prospects]. *Samarskaya Luka: problemy regional'noy i global'noy ekologii*. 2. pp. 110–124.
31. Yakovlev, V.F. (2006) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [Civil-law method of regulation of public relations]. Moscow: Statut.
32. Krokhina, Yu.A. (2015) *Finansovoe pravo Rossii: ucheb.* [Financial Law of Russia: a textbook]. 5th ed. Moscow: Norma; NITs INFRA-M.
33. Mudrykh, V.V. (2001) *Otvettstvennost' za narusheniye nalogovogo zakonodatel'stva* [Liability for violation of tax laws]. Moscow: YuNITI-DANA.
34. Komyagin, D.L. (2014) Otvetstvennost' za narusheniya byudzhethnogo zakonodatel'stva [Liability for violations of budget legislation]. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchët*. 6. pp. 10–19.
35. Tolkacheva, N.P. (2015) Administrativnaya otvetstvennost' za narusheniya byudzhethnogo zakonodatel'stva: realii i predlozheniya po sovershenstvovaniyu [Administrative liability for violations of budget legislation: realities and proposals for improvement]. *Vestnik AKSOR – AKSOR Bulletin*. 1 (33). pp. 126–132.
36. Trofimova, G.A. (2017) Byudzhethnaya otvetstvennost': problemy teoreticheskoy konstruktii [Budgetary liability: problems of the theoretical construct]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 6–9.
37. Armasova, E.R. (2014) Otvetstvennost', predusmotrennaya zakonodatel'stvom, svyazannaya s predstavleniem byudzhethnogo kredita [Liability, stipulated by law, associated with the provision of a budgetary loan]. *Finansovyy vestnik: finansy, nalogi, strakhovanie, bukhgalterskiy uchët*. 3. pp. 53–58.
38. Geykhtman, O.M. (2004) Byudzhethno-pravovaya otvetstvennost' v sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti [Budgetary and legal liability in the system of legal liability]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 5. pp. 13–17.
39. Arkhipenko, T.V. & Makarov, A.V. (2004) Sootnosheniye administrativnoy i byudzhethnoy otvetstvennosti [The ratio of administrative and budgetary liability]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 4. pp. 28–31.
40. Sattarova, N.A. (2006) *Prinuzhdeniye v finansovom prave* [Coercion in financial law]. Moscow: Yurlitinform.
41. Konyukhova, T.V. (2010) Ob otvetstvennosti za narusheniye byudzhethnogo zakonodatel'stva [On liability for the violation of budget law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4(160). pp. 37–48.
42. Krokhina, Yu.A. (2013) *Byudzhethnoye pravo Rossii* [Budgetary law of Russia]. Moscow: Yurayt.

43. Kucherov, I.I. (ed.) (2014) *Otvetstvennost' za narushenie finansovogo zakonodatel'stva* [Liability for violation of financial legislation]. Moscow: IZiSP; INFRA-M.
44. Sattarova, N.A. (2015) State coercion measures in budget sphere as a factor for the efficient functioning of the financial system. *Lex russica*. 8. pp. 96–106. (In Russian).
45. Krokhnina, Yu.A. (2014) *Finansovoe pravo Rossii: uchebnik* [Financial law of Russia: a textbook]. Moscow: Norma; INFRA-M.
46. Polyakova, S.A. (2015) O byudzhetnykh merakh prinuzhdeniya [On budgetary coercive measures]. *Pravo i ekonomika*. 4. pp. 68–78.
47. Vorontsov, O.G. (2016) Pravovaya priroda byudzhetnykh mer prinuzhdeniya [The legal nature of budgetary coercive measures]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 11. pp. 25–28.
48. Razgil'dieva, M.B. (2013) Teoreticheskie problemy byudzhetno-pravovoy otvetstvennosti [Theoretical problems of budgetary-legal liability]. *Finansovoe pravo i upravlenie*. 2(2). pp. 102–118. DOI: 10.7256/2310-0508.2013.2.9876
49. Vasil'eva, E.G. (2015) Byudzhetno-pravovaya otvetstvennost' v RF: problemy pravovogo regulirovaniya i realizatsii [Budgetary and legal liability in the Russian Federation: problems of legal regulation and implementation]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 9. pp. 14–18.
50. Alekhin, A.P. et al. (2013) *Administrativnoe pravo Rossii* [Administrative Law of Russia]. Moscow: Zertsalo-M.
51. Ivanchuk, V.Yu. (2015) [To the issue of the correlation of administrative and tax liability for violation of legislation on taxes and fees]. *Aktual'nye problemy prava* [Topical problems of law]. Proceedings of IV international conference. Moscow. November 2015. Moscow: Buki-Vedi. pp. 62–65. (In Russian).
52. Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. (2003) Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 27.01.2003 2 (red. ot 10.11.2011) "O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s vvedeniem v deystvie Kodeksa Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyyakh" [Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 27.01.2003 No. 2 (as amended on 10.11.2011) "On certain issues related to the introduction of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation"]. *Vestnik VAS RF*. 3.
53. Belikov, E.G. (2016) Sotsial'naya napravlennost' printsipa sochetaniya ubezhdeniya i prinuzhdeniya v finansovom prave [Social orientation of the principle of combining persuasion and coercion in financial law]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 8. pp. 6–10.
54. Kucherov, I.I. (2013) Denezhnye vzyskaniya: problemy pravovoy identifikatsii [Monetary penalties: problems of legal identification]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 5. pp. 22–36.
55. Razgil'dieva, M.B. (2013) Problemy teorii nalogovo-pravovoy otvetstvennosti [Problems of the theory of tax and legal liability]. In: Gracheva, E.Yu. & Kucheryavenko, N.P. (eds) *Ocherki nalogovo-pravovoy nauki sovremennosti* [Essays on the tax and legal science of modern times]. Moscow; Kharkov: Pravo.
56. Kayshev, A.E. (2016) Mery finansovo-pravovoy otvetstvennosti za neuplatu nalogov (sborov) v ustanovlennyye sroki: teoretiko-pravovye aspekty [Measures of financial and legal liability for non-payment of taxes (fees) in a timely manner: theoretical and legal aspects]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 12. pp. 28–32.
57. Makarov, A.V. & Arkhipenko, T.V. (2005) Kharakteristika nalogovoy otvetstvennosti. Sanktsii za narushenie nalogovogo zakonodatel'stva [Characteristics of tax liability. Sanctions for violation of tax laws]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 6. pp. 20–22.
58. Popryadukhina, I.V. (2016) K voprosu ob otvetstvennosti za narusheniya zakonodatel'stva RF o strakhovykh vzosakh [To the question of liability for violations of the RF legislation on insurance]. *Finansovoe pravo – Financial Law*. 7. pp. 7–9.
59. Constitutional Court of the Russian Federation. (2016) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.01.2016 2-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti podpunkta "a" punkta 22 i punkta 24 stat'i 5 Federal'nogo zakona ot 28 iyunya 2014 goda 188-FZ "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya" v svyazi s zaprosami Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy i Arbitrazhnogo suda Penzenskoy oblasti" [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19.01.2016 No. 2-P "On the case on the verification of constitutionality of subparagraph "a" of Paragraph 22 and paragraph 24 of Article 5 of the Federal Law of June 28, 2014 No. 188-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation on compulsory social insurance" in connection with the requests of the Moscow Arbitration Court and the Arbitration Court of Penza Oblast]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 3.
60. Zvyagintseva, L.M. (1980) *Mery zashchity v sovetskom semeynom prave* [Measures of protection in Soviet family law]. Abstract of Law Cand. Diss. Sverdlovsk.
61. Mardakhaeva, P.N. (2005) *Lishenie roditel'skikh prav kak mera semeyno-pravovoy otvetstvennosti* [Deprivation of parental rights as a measure of family and legal liability]. Law Cand. Diss. Moscow.
62. Vavil'chenkova, G.I. (2008) *Semeyno-pravovye sanktsii, primenyaemye k roditelyam za nenadlezhashchee osushchestvlenie prav i ispolnenie obyazannostey po vospitaniyu detey v Rossiyskoy Federatsii* [Family-legal sanctions applied to parents for improper exercise of rights and the performance of duties for the upbringing of children in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
63. Kumanovskaya, A.L. (2005) *Prava i obyazannosti roditel'ey po vospitaniyu detey v semeynom prave Rossiyskoy Federatsii* [Rights and duties of parents in the education of children in the family law of the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Moscow.
64. Russian Federation. (2010) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 08 iyunya 2010 g. 13-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 4 stat'i 292 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalooboy grazhdanki V.V. Chadaevoy" [Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 8, 2010 No. 13-P "On the case on the verification of constitutionality of paragraph 4 of Article 292 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the citizen V.V. Chadaeva]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 3246.
65. Khazova, O.A. (2014) Otobranie detey: mezhdunarodno-pravovye aspekty [The removal of children: international legal aspects]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 2. pp. 18–22.
66. Afanas'eva, I.V. (2014) *Semeyno-pravovaya zashchita interesov nesovershennoletnikh pri neispolnenii roditel'skikh obyazannostey po ikh vospitaniyu i soderzhaniiyu* [Family-legal protection of interests of minors in case of non-fulfillment of parental responsibilities for children's upbringing and maintenance]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 5. pp. 3–6.
67. Gongalo, B.M. (2016) Alimentnoe obyazatel'stvo [Alimony obligation]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo – Family and Housing Law*. 5. pp. 15–18.
68. Brinchuk, M.M. (2009) Tak sushchestvuet li ekologo-pravovaya otvetstvennost'? [So is there an environmental legal liability?]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2-3. pp. 16–23.
69. Brinchuk, M.M. (2016) Ecological responsibility as an independent type of responsibility. *Lex russica*. 6. pp. 26–47. (In Russian).
70. Mel'nikova, V.G. & Suranova, E.M. (2017) On forms and procedure for compensation of harm caused to the environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 193–197. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/27
71. Broslavskiy, L.I. (2014) *Otvetstvennost' za okruzhayushchuyu sredu i vozmeshchenie ekologicheskogo vreda: zakony i realii Rossii, SShA i Evroosoyuza* [Liability for the environment and compensation for environmental damage: laws and realities of Russia, the United States and the European Union]. Moscow: INFRA-M.
72. Danilova, N.V. (2015) Sovershenstvovanie instituta vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda [Perfection of the institution of compensation for environmental damage]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 3. pp. 3–6.
73. Klyukanova, L.G. (2014) Ekologo-pravovoy status lichnosti v normakh Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Ecological and legal status of a person in the norms of the Constitution of the Russian Federation]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 2. pp. 3–7.
74. Vasil'eva, M.I. (1999) Problemy zashchity obshchestvennogo interesa v ekologicheskoy prave [Problems of protection of public interest in environmental law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 8. pp. 49–62.
75. Doronina, N.G. (2012) *Predislovie k materialam dlya Ezhegodnykh VII nauchnykh chteniy pamyati professora S.N. Bratusya. Novoe v grazhdanskom zakonodatel'stve. Balans publicnykh i chastnykh interesov* [Foreword to the materials for the Annual VII Scientific Readings in memory of Professor S.N. Bratus'. New in civil law. Balance of public and private interests]. Moscow: Yurisprudentsiya, pp. 3–7.

76. Danilova, N.V. (2014) Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za ekologicheskiy vred: problemy teorii i praktiki [Civil liability for environmental damage: problems of theory and practice]. *Pravo i politika*. 2. pp. 1931–1935.
77. Ivlieva, A.G. (2015) [Ne] dvazhdy za odno: osoby kharakter ekologicheskogo ushcherba i obshchie printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti. Kommentariy k Postanovleniyu Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 iyunya 2015 goda № 12-P [[Not] twice for one: the special nature of environmental damage and the general principles of legal liability. Commentary to the Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2015 No. 12-P]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 4. pp. 145–158.
78. Russian Federation. (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 2 iyunya 2015 g. 12-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti 2 stat'i 99, chasti 2 stat'i 100 Lesnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i polozheniy postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii “Ob ischislenii razmera vreda, prichinennogo lesam vsledstvie narusheniya lesnogo zakonodatel'stva” v svyazi s zhaloboy obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu “Zapolyarneft”” [Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 2, 2015 No. 12-P “On the case on the verification of the constitutionality of Part 2 of Article 99, Part 2 of Article 100 of the Forest Code of the Russian Federation and the provisions of the Resolution of the Government of the Russian Federation” On the calculation of the damage caused to forests due to violations of forest legislation” in connection with the complaint of the limited liability company Zapolyarneft”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 24. Art. 3547.
79. Russian Federation. (2014) *Proekt Federal'nogo zakona 504011-6 “O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon “Ob okhrane okruzhayushchey sredy” i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti regulirovaniya voprosov vozmeshcheniya vreda okruzhayushchey sredy” (red., vnesennaya v GD FS RF, tekst po sostoyaniyu na 21.04.2014)* [Draft Federal Law No. 504011-6 “On Amendments to the Federal Law “On Environmental Protection” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding Regulation of Issues of Compensation for Environmental Damage” (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text of 21/04/2014)]. [Online] Available from: <http://asozd.duma.gov.ru>. (Accessed: 21st April 2014).

Received: 19 February 2018